

Лексикон Петра Соломоновича

Профессор П.С.Столярский был одним из величайших скрипичных педагогов XX столетия. Жак Тибо, например, считал, что "его педагогика – это то, чем должно гордиться мировое искусство".

Примерно то же говорили Жозеф Сигетти, Генрик Шеринг и другие авторитетные музыканты. Чтобы понять их правоту, нет нужды углубляться в теорию, достаточно просто перечислить имена некоторых его выдающихся его "детей" – учеников: Натан Мильштейн, Михаил Фихтенгольц, Самуил Фурер, Елизавета Гилельс, Борис Гольдштейн, Альберт Марков, Давид Ойстрах. Педагогика Столярского определила дальнейшее развитие скрипичного исполнительства. Вспомним хотя бы "внуков" Петра Соломоновича только по линии одного его "сына" – Д. Ойстраха: В. Пикайзен, Э. Грач, С. Снитковский, Р. Файн, О. Пархоменко, О. Крыса, О. Каган, М. Секлер, В. Климов, Л. Исакадзе, Г. Кремер...

Этот славный ряд далеко не исчерпан, а прерываю перечень из чисто стилистических соображений. Главное же понятно – панорама скрипичного искусства XX столетия действительно во многом определяется питомцами школы Столярского.

А сам Столярский был сыном скромного деревенского музыканта. Ему не довелось получить достаточно высокого общего образования. Он не без труда писал по-русски (его дела вели дочь Нелли, секретарь Анетта Бычач, другие помощники), так и не освоил хорошо русскую речь. Его оговорки, курьезные фразы становились "притчами во языцех", передавались из уст в уста, становились легендами. Я годами коллекционировал высказывания Петра Соломоновича, тщательно проверяя их достоверность с помощью перекрестных свидетельств его коллег и учеников. Все эти люди относились (и относятся) с пиететом к личности Педагога, не без смущения подтверждая истинность тех или иных его фраз, почему-то полагая, что лексикон Столярского принижает значимость его достижений. По-моему, это заблуждение. Относительно легко чего-то достигнуть при поддержке семьи, "университетов", но, по сути, "из грязи" выйти в истинные "князи" – удел людей выдающихся. Правда не принижает, а возвышает личность Столярского.

Пожалуй, самой популярной стала его фраза "школа имени мене" (рука сама тянулась вынести ее в заголовок этого материала, но я сознательно не делаю этого). В двадцатые-тридцатые годы в Советском Союзе уч-

реждениям культуры присваивали имена живущих людей. Так, в Москве был театр имени Всеволода Эмильевича Мейерхольда, в Одессе имя Анатолия Васильевича Луначарского носил знаменитый Театр оперы и балета. Позднее, когда стали присваивать имена ушедших, родилась грустная шутка: имена творцов присваивают, скажем, театру не в расцвете творческой жизни, а когда она естественно идет на спад после кончины создателя, невольно дискредитируя деятелей культуры (вспомним хотя бы Георгия Александровича Товстоногова или Николая Павловича Акимова).

Но вернемся в Одессу. Первая в мире детская музыкальная школа-интернат для особо одаренных детей еще при Петре Соломоновиче получила название "Школа имени профессора П.С. Столярского".

Очень популярной была и остается фраза Столярского "Ваш мальчик обыкновенный гениальный ребенок" (свидетельство Л. Маркеловой). Учитывая стеснительность учеников Петра Соломоновича, "дававших показания", я в дальнейшем буду ограничиваться лишь их инициалами, любому же пуристу, который заподозрит меня в "принижении достоинства" педагога или даже отсебятине, готов дать полную ссылку на первоисточник.

В духе "эпохи построения социализма" Петр Соломонович называл свою школу "фабрикой талантов" (замечу, что в его школе пестовались индивидуальности, не в пример нынешним "фабрикам", действительно штампующим "фабрикантов"). Когда он отправлялся с учениками для выступлений в разные города Союза, Столярский говорил, что "везет вагон талантов".

После одного из успешных выступлений своих питомцев в столице Петр Соломонович сказал секретарю А. Б.: "Дай телеграмму в Одессу, что школа прошла с большим фуражом" (он имел в виду – с фурором).

Выступая в Одессе с отчетом о поездке, Столярский заметил: "После такого успеха школа будет иметь большой символ к работе", – подразумевая, что успех станет стимулом к дальнейшей работе (А. П. Б.).

По свидетельству Л. Н. Г., Петр Соломонович сказал однажды: "Нас наградили за нашу работу, но мы не должны забывать то место, из которого вышли". Как говорили в старой Одессе, "не подумайте плохого": Столярский хотел сказать, что не следует самообольщаться успехом, нужно продолжать настойчиво работать там, где успехи закладываются, – в школе, классах, "откуда вышли".

Отвлекаясь на время от лексикона и курьезов, замечу, что Петр Соломонович обладал чувством юмора, владел своим специфическим языком образных сравнений. Его ученики А. Б., М. Г., А. П. и другие запомнили такие высказывания педагога во время уроков:

"Не спеши, не веди смычок так быстро. Представь себе, что это твоя зарплата. Ты должен ее не сразу израсходовать, а распределить на длительное время".

"Кого ты хочешь перегнуть? Играть не скрипке – это не прыгать на лошади. Покажи мне красивую музыку".

"Что такое воробей? Это соловей, который не выучил свои трели".

Добиваясь благородного звучания инструмента, учитель говорил: "Не следует думать, что слово *скрипка* происходит от слова *скрип*".

Обращая внимание на необходимость придерживаться стиля произведения, педагог просто и доходчиво говорил: "Играй мне Баха, а не Оффенбаха".

Объясняя, как следует держать скрипку, Петр Соломонович говорил о "ключнице", имея в виду... ключицу. Кстати, ему принадлежат слова о том, что "скрипку нужно держать гордо". Я вспоминаю это всякий раз, когда один из хороших скрипачей нашего симфонического оркестра выходит на эстраду, "подчеркнуто" неся перед собою скрипку, наверное, с расчетом на аплодисменты. Да, нести ее надо гордо, но просто. Без тени манерности.

Свидетельство А. Л.: "Один из учеников Петра Соломоновича играл с акцентированной экспрессией, "украшениями". Столярский сказал ему: "Представь себе, что люди строят дом, но он еще не готов, нет потолка. А на стены они уже начинают лепить украшения. Это правильно будет? Нет. Не гори, как вундеркинд. Они быстро сгорают. Когда придет настоящая сила, будут и украшения".

Возможно, стремление к образности, пусть несколько заземленное, пришло к Столярскому от одного из его педагогов О. Шевчика, любившего говорить: "Сперва научись чисто играть гамму, а потом будешь есть конфетки".

Столярский утверждал, что если шахматы это спорт, то с не меньшим основанием можно считать спортом и игру на скрипке. "Попробуйте выстоять на ногах час, два, три, и при этом играть. Это не каждому под силу – нужна сноровка, должны действовать и руки, и мозг".

Он любил учеников, но был очень требовательным к ним. И ученики любили его. Обычно слушались безоговорочно. Тем более впечатляет такой эпизод непослушания, о котором мне рассказала скрипачка А. П. уже в конце жизненного пути. Столярский часто приглашал в свой класс выдающихся гастролеров и показывал им учеников. Однажды он продемонстрировал, кажется, Жаку Тибо, лишь нескольких учащихся. Другие одаренные ребята обиделись и... не пришли играть в ансамблях, которые Петр Со-

ломонович тоже хотел показать высокому гостю. Столярский не мог поверить в реальность случившегося, а участница "забастовки" и спустя полвека вспоминала об этом эпизоде слушания с болью и раскаянием.

Еще один любопытный эпизод. Ученический коллектив записывали на пластинку. Столярского не предупредили о начале записи, он считал, что продолжается репетиция. В одном месте, не удовлетворившем его, Петр Соломонович возмущенно закричал: "Что ты играешь, корова! Я сейчас брошу тебе пульт в голову".

Когда запись дали прослушать и дошли до злополучного места, все рассмеялись, а педагог растерялся и сказал: "Разве это я? Я не говорил такого". Он был искренен – сказанное сторяча, в состоянии аффекта, не отражало его истинного отношения к ученикам.

Рассказавшая об этом его ученица и в свои 80 считала, что подобные факты не следует делать достоянием людей, чтобы ненароком не бросить тень на облик Учителя.

Подчас огрехи лексики и наивность Столярского обретали неожиданный смысл. Так, выступая в Москве в Наркомате просвещения, Петр Соломонович следующим образом выразил свою благодарность партии и правительству за открытие школы (к слову, тогда она располагалась в Лютеранском переулке, рядом с консерваторией): "Для меня это счастье, что удалось создать чудесную детскую музыкальную школу, да еще накормить голодных детей. Поэтому разрешите мне поблагодарить товарищей Сталина, Молотова, Кагановича и другие шишки" (в несущественно отличающихся вариантах довелось это слышать от разных учеников Столярского).

Как высокую честь Петру Соломоновичу предложили вступить в партию (многим приходилось добиваться этого годами, выстаивая длинные очереди, как за любым дефицитом; недаром же кавээнщики позднее острили: "Мы отстояли социализм в очередях"). И, как водилось, Петру Соломоновичу стали задавать традиционные вопросы.

"Почему вы хотите вступить в ряды партии?" – "Потому, что я стою на советской площадке", – сказал Столярский. На вопрос "Что вам дала советская власть?" Петр Соломонович искренне ответил: "Эмку". Речь шла о том, что ему была выделена легковая машина "М-1" производства Горьковского автозавода. По тем временам это была большая редкость. Получив машину, Столярский предложил покататься на ней по городу своему коллеге, пианисту и композитору Лазарю Яковлевичу Саксонскому. Тот прихватил с собой малолетнего сына Володю, о чем Владимир Лазаревич,

ныне известный пианист, заслуженный артист Украины, благодарно помнит по сей день (не могу не заметить, что замечательный музыкант Лазарь Саксонский за более чем четвертьвековое служение Музыке не был отмечен никаким почетным званием – это одна из, увы, многих несправедливостей нашей жизни).

С упомянутой "эмкой" связано еще одно "мо" Столярского. По рассказу Л. Г., Столярский однажды сказал: "Открой калитку", – имея в виду... дверцу автомобиля.

Петр Соломонович обрастал в Одессе легендами, как корабль ракушками.

Один из его учеников М. Гольдштейн издал в Иерусалиме книгу об учителе. Этот факт заслуживает благодарности, кстати, некоторые примеры взяты мною из этой книги. Приведу фрагмент работы Гольдштейна: "Один из взрослых учеников Столярского был арестован. К Петру Соломоновичу пришел следователь и попросил вспомнить, не имел ли ученик связей с немцами. В это время немцы воспринимались как фашисты. Столярский сказал: "Да, я знаю, что он связан с немцами, могу даже сказать, с кем". Следователь взял записную книжку и приготовился записать. "Например, он имел связи с Брамсом, Шубертом, Шуманом, Бахом". Следователь записал все, поблагодарил и ушел. Столярский даже не подумал о том, что сказал чепуху. Потом он мне сказал: "Пусть они сами разберутся, это их хлеб".

Мне этот рассказ кажется маловероятным: в 37-м году с "органами" не шутили. Это, скорее всего, легенда. Вересаев говорил, что легенды могут отражать суть людей. Например, Пушкину и Дантесу сопутствуют существенно разные легенды. Что до рассказа Гольдштейна, то в нем, как в легенде, по-моему, отразилось сочувствие Столярского, человека глубоко порядочного, людям, попавшим в беду.

Не могу отделаться от чувства, что эпизод с "немцами" появился как дань идеологии. Сатирик точно сказал, что "их" идеология очень похожа на "нашу" – там многое излагается, как в газете "Правда", только с частицей "не". То, что у нас со знаком "плюс", у них со знаком "минус", и наоборот. Основанием для моего предположения может служить и такой пример. Гольдштейн помещает ректора консерватории первых послевоенных лет композитора К.Ф. Данькевича в "первые ряды антисемитов". Когда я спросил об этом профессора Л.Н. Гинзбург, она категорически отвергла утверждение Гольдштейна. Не берусь быть категорическим судьей, но не привести разные точки зрения считаю невозможным...

Думается, нельзя воспринимать Петра Соломоновича ни как "верного сына коммунистической партии", ни как "борца с советской властью" (последнее прочитывается в книге М. Гольдштейна). В самом деле, если в 1917-м году, по воспоминанию Д.Ф. Ойстраха, Столярский вывел на улицы Одессы учащихся с исполнением "Марсельезы", то не нужно забывать, что за несколько лет до этого унисон учеников Столярского исполнил сочинение А.Ф. Львова "Боже, царя храни"...

Столярский не был политиком, он был человеком, сочувствовавшим обездоленным – голодающим (об этом рассказано в книге М. Гольдштейна), репрессированным – всем, кто попадал под колесо истории...

...Интересно замечание М. Гольдштейна о том, что "Столярский говорил спонтанно, не задумываясь над сочетанием слов". Наверное, отсюда и множество курьезов. Например, Петр Соломонович ценил деятельность ректора консерватории Канделя, а как-то на собрании сказал: "Берите пример с Канделя. Он никогда не говорит глупости. Он делает их". По-видимому, он хотел сказать, что ректор делает дело.

Не утруждаясь выбором и расстановкой слов, Столярский мог сказать своему любимому ученику Д. Ойстраху: "Додик, не плутайся между ног, иди прежде". Он имел в виду: "Не путайся под ногами, иди впереди нас".

По воспоминаниям аккомпаниатора Давида Ойстраха Фриды Бауэр, Давид Федорович "был исключительно артистичен, необычайно точно копировал любого человека". В частности, он замечательно изображал самого Петра Соломоновича с его характерными интонациями, жестами, движениями. Столярский, прослышав об этом, просил ученика показать, как он его копирует. После естественных колебаний Давид Федорович согласился. Показывая учителя, он говорил какие-то "правильные слова" из "репертуара" Петра Соломоновича. Столярский увлекся так, что воспринял пародию как копию оригинала и выразил полное согласие с тем, что говорил от его имени ученик. Великий Учитель был не только трепетно влюбленным в скрипку, но и искренним, простодушным человеком.

Столярский говорил, что чем больше играют на скрипке, тем лучше... для здоровья. Нашелся отец одного ученика, который выразил сомнение в этом. Столярский ответил ему: "Чем лучше руки двигаются, тем больше они отгоняют от человека всякие болезни". Своему юному ученику он сказал однажды: "Вполне сочувствую твоей простуде, но самое лучшее лекарство – взять скрипку в руки и играть не менее трех часов (! – **В. М.**) упражнения и этюды. Организм разогреется,

и микробы подохнут от звуков скрипки". Ученик поверил и позднее признался, что после трехчасовой игры значительно лучше почувствовал себя" (М. Г.).

Петр Соломонович, сам счастливый супруг... ревновал учениц. Он был противником браков до окончания учебы. Узнав стороной о матримониальных планах А. П., он довел ученицу до слез придирками к... ее игре. Она не понимала, в чем дело: играла старательно и вроде бы хорошо, а педагог недоволен. И лишь когда он стал рассуждать о том, что "скрипке нельзя изменять", догадалась о причине придирок.

Специфический лексикон Петра Соломоновича был всеоюзно известным. Выдающийся пианист и педагог, профессор московской консерватории А.Б. Гольденвейзер с большим уважением относился к деятельности Столярского. Ознакомившись с методикой его преподавания, он даже обратился к правительству с предложением организовать в Москве детскую музыкальную школу, аналогичную одесской (такая школа была открыта, знаменитая ЦМШ). Но Гольденвейзеру же принадлежит и шутовское предложение издать "русско-столярсий словарь".

Да, у Столярского был свой "словарь", связанный с лексиконом еврейских местечек, одесским лексиконом. Его внимательно слушали и хорошо понимали окружающие. Понимали и высоко чтили гениального педагога-самородка, пусть и не ограненного высокой эстетикой.

Если, читая этот материал, вы улыбнулись, – отлично. А теперь снимем шляпы в знак уважения к Маэстро, так много сделавшего для мировой культуры.

